

*Данный материал является интеллектуальной собственностью
telegram-канала Гильдии Переводчиков
<https://t.me/guildwh40k>
При его дублировании вы обязаны указать источник перевода*

Переводчики – Юрия Скейс & Ree

ВОЗРОЖДЕННЫЙ Николас Вольф

I

Он мертв.

Он мертв – я убил его.

Я медленно отодвигаюсь от комиссара – он трясется, задыхаясь в судорогах, и мой зазубренный штык выкалывает из его груди. Я пристально смотрю ему в глаза, впервые прямо встречая его взгляд: да, они пылают злостью, но под этой напускной благочестивой яростью спустя долгие годы наблюдений я наконец вижу страх – обычный человеческий страх, терзающий того, кто не дрогнув стрелял в спины солдат. Он знает, что его жизнь окончена, и все, что ныне ему предначертано – смерть.

Как только мой клинок вырывается из его сердца, колени ублюдка сгибаются, и он падает лицом в грязь, обильно приправленную кровью. В тот момент озарения я в мгновение ока превратил комиссара первого класса Василия Груденова из злобного, безжалостного палача в банальный кусок мяса, не более праведный или устрашающий, чем кусок отбивной.

– Я не умру здесь, – с рыком кричу я на труп. – Никто из нас не умрет!

Лазган валится из моих рук, падая к лежащему в ногах телу. Пальцы дрожат, нет, нет от страха или ярости, хоть я и ощущаю, как они бегут по моим венам, словно боевые стимуляторы... Нет, они дрожат, текут, сливаясь с...

... С надеждой?

Более я не исполняющий обязанности капитана 224-го полка Кельбранских Янычар Андрик Петров, незначительный винтик в машине Астра Милитарум, брошенный безразличным Империумом умирать на этом всеми забытом поле битвы. Нет. Ныне я нечто большее.

– В-в-вы... Вы спасли м-мою жизнь.

Я неохотно отрываю глаза от остывающего трупа у своих ног. Рядовой Никита Пович, лишь минуту назад смотревший в дуло пистолета Груденова, медленно хлопает глазами. По его ноге стекает моча: несмотря на все ужасы войны, он выглядит не старше шестнадцати лет.

Я совершенно не знаю, что должен ему сказать. В самом деле, в тот момент я не думал о Никите. Я думал о себе, ибо знал, что однажды окажусь на том же месте, на каком стоял он – и это лишь вопрос времени. Я киваю ему с выражением лица, которое, как надеюсь, выражает жесткость и стойкость, как это умел делать капитан Лувченко. Наверное, со стороны я выгляжу просто уставшим.

Тишина в бункере растягивается в вечность, перемежаясь только грохотом артиллерии и звуками приближающихся выстрелов, когда её буквально разрывает надвое чье-то очевидное утверждение:

– Вы убили комиссара...

– Ты слышал, что сказал Груденов – война за Фарсис окончена. Еретики прорвались на наши позиции, подкрепления не прибыли, а нас никто и не думал эвакуировать! – тихо, но с яростным напором, щемящем сердце в груди, говорю я. – Империиум оставил нас умирать, а этот подонки был здесь лишь ради того чтобы удостовериться, достаточно много ли мы купили для них времени, чтобы эвакуировать ценные активы с этого мира.

– Да, но...

Я медленно обхожу говорящего по кругу. Он молод – немного, но всё же моложе меня. Синий китель с лычками капрала сидит на нем нелепо и мешковато – думаю, он снял его с трупа.

– У тебя есть кто-нибудь на Кельбре, солдат?

– Что вы имеете в виду?..

– У тебя есть кто-нибудь на Кельбре? – терпеливо спрашиваю я вновь. – Кто-нибудь ждет тебя дома?

Он выглядит таким растерянным, словно его попросили по памяти прочесть строки Вдохновляющей Памятки Имперского Пехотинца.

– Конечно...

– А ты, Александр, у тебя жена и трое детей, – говорю я, указывая на мужчин из моего старого отделения. – Сава, как думаешь, сколько лет твой старый отец сможет работать на факториях, чтобы прокормить мать? Ты хоть знаешь, жив ли он вообще?

Я даю ему время осмыслить мои слова, наблюдая, как просветлело его лицо. Он кивает мне в торжественном понимании.

– У кого здесь ещё есть семья, которая их ждет?

Сотня окровавленных, грязных рук поднимается вверх.

Я ласкаю раздутый живот своей любимой Миши, родной и такой теплый даже в предраассветном холоде. Маленький Николай внутри уже не спит, пинается и ворочается. Интересно, понимает ли он, что происходит? Осознает ли, что он опоздает на встречу со своим собственным отцом?..

Усилием воли я обрываю воспоминания. Юноша, что оставил Кельбру, давно умер, но я все еще чувствую, как ком стоит в горле, и как слезы пощипывают глаза.

– Меня ждет сын, которого я никогда не видел. Никто, ни один комиссар не помешает мне вернуться к нему домой!

Я вижу, как в их глазах медленно появляются проблески осознания; их разумы пробуждаются, скованные ранее цепями муштры и пропаганды. Думаю, что каждый из нас в какой-то момент перестал искренне верить, что мы когда-нибудь вновь увидим наш дом. И как я сам воображал это годы назад?

Это было столь давно, что мне не под силу вспомнить...

– Итак... что нам теперь делать? – спрашивает кто-то, нарушая молчание.

– Я... – я останавливаюсь, пытаюсь найти слова, которых просто-напросто нет. – Я не знаю.

Где-то позади раздается зловещий ропот:

– Зато я знаю, что мы делаем.

Медленно поворачиваясь, я упираюсь в дуло лазгана – поседевший сержант Михаил Вельков со злобным оскалом глядит на меня.

– Мы застрелим этого предателя прямо сейчас.

Моя собственная винтовка лежит у моих ног; я никогда не смог бы добраться до неё.

– Остановись, солдат.

– Ты не мой капитан, – рычит он динамиком вокса, вшитого в изувеченное горло. – Ты носишь это звание лишь потому, что Лувченко мертв.

– Я говорю тебе – остановись, – мои руки слегка приподняты над головой, чтобы оставаться у всех на виду; впрочем, он стоит слишком далеко, чтобы я мог схватить его оружие.

Вельков ожесточенно плюет на мои ботинки.

– Ты только что убил своего комиссара. Ты для меня ничто.

– Эта война окончена, Михаил, ты слышал это от самого Груденова! Он лишь хотел сделать так, чтобы ты умер прямо здесь, в этом проклятом бункере, потому что генерал Вольск решил, что наши жизни стоят меньше, чем боеприпасы и танки!

Вельков медленно моргает. Очень медленно.

– Я давал клятву Императору, мальчик.

Что-то ломается во мне; хрупкая плотина вбитой веры переполняется ненавистью:

– Где был Император, Михаил?! – кричу я. – Где был Император, когда еретики уничтожили передовой штаб? Где был Император, когда эти... твари сокрушили восточный фронт? Где был Император, когда Улей Таршиш сошел с ума? Михаил, семьдесят миллионов человек рвали друг друга на части! Где был Император, когда убили командира, что вел нас четыре года подряд?! Где он был, когда к нам прислали комиссара, чтобы убедиться, что мы не сбежим, когда узнаем, что нас оставили умирать? Где? Где, Михаил?!

Он колеблется, не зная, что ответить.

– Я... Это все было не просто так! Император защищает...

– Нет, Михаил, – сердито качая головой я. – Ты можешь умереть за Императора, но я – нет. Положи оружие.

Он слегка вздрагивает. Я вижу, как его ненависть тает.

– Подумай о своей семье, Михаил, – тихо говорю я. – Не оставляй своих детей сиротами. Только не ради всего, что творится вокруг. Империя не заслуживает нашей крови.

– Мы... мы все еще можем присоединиться к остальной части боевой группы, прежде чем войска будут эвакуированы с Фарсиса. Мы расскажем, что ты убил Груденова, а мы казнили тебя. Генерал спасет нас!

Я медленно делаю шаг вперед, все еще держа руки вверх.

– Вольск будет только рад, позволив нам здесь умереть. Он выбрал 224-й ради примера – точно так же, как Груденов хотел показательно расстрелять Никиту.

– Ты этого не знаешь! – кричит он, вздрагивая. – Мы можем... мы можем попробовать... мы должны!..

Я делаю еще один шаг к Михаилу. Теперь он достаточно близко, чтобы я мог схватить его ладан. Он больше не целится им в меня; даже не смотрит в моем направлении.

– Положи оружие, Михаил. Пойдем домой вместе.

– Ты безумец...

Раздается завывание выстрела; мгновение Михаил Вельков стоит, прежде чем осознает, что немалую часть его головы теперь составляет дыра, дурно пахнущая жженой костью и плотью. Я вижу в его глазах понимание совершенного предательства – и не могу смотреть в них. Его оружие касается моих пальцев, когда он выскальзывает из его рук. Его ноги подгибаются. Он умирает прежде, чем успевает упасть на землю.

Сергей Меглев, мой доверенный лейтенант и старый друг, медленно опускает свой ладпистолет.

– Андрик... Э-э, капитан Петров прав. Обратный путь нам заказан.

В глазах Сергея есть что-то пугающее, чего я никогда раньше не видел – ни когда мы были мальчиками, растущими на Кельбре, ни когда мы были солдатами, что сражались на Фарсисе. Я разрываюсь между тем, чтобы благодарить его за спасение моей жизни, и сорваться за убийство испуганного, невинного человека... Но его другом я был его гораздо дольше, чем командиром, поэтому я лишь торжественно киваю в ответ, но он никак не реагирует на это, пристально вглядываясь в остальных бойцов 224-го; его палец все еще лежит на спусковом крючке.

Никто не двигается.

Никита, наконец, нарушает хрупкое молчание:

– Итак... каковы ваши приказы, капитан Петров?

...И вновь этот проклятый вопрос. Я никогда не знал, что должен на него отвечать, никогда. Бедный Михаил был прав: единственная причина, по которой я стал капитаном, лежала лишь в том, что я умел выживать лучше, чем мои предшественники. Конечно, я был находчивым, я умел бороться, и умел планировать, но я никогда не чувствовал желания руководить – лишь смутное понимание того, что я мог бы спасти больше своих людей, чем другие командиры, считавшие их расходным ресурсом.

Каковы мои приказы?..

Я думаю, на мгновение закрывая глаза, чтобы не видеть умоляющих взглядов, устремленных ко мне. В глубине души я знаю, что есть лишь один ответ – моя клятва Императору смыта кровью Груденова. В разум пробивается голос, тихая симфония новых мыслей, тонко играющих под моими собственными. Шепот...

Странный шепот – я слышал его и раньше в самые страшные, самые мрачные моменты, словно бы в дрожащем полусне между грохотом артиллерийских обстрелов. Я считал, что это были лишь мои собственные мысли, но сейчас, в этой хрупкой тишине поворотного момента я в самом деле слышу... слышу их!

Я смотрю на остатки 224-ого: потрепанные синие кители, изможденные лица, пустые глаза, кровь, пот и грязь – они выглядят, как трупы. Эти люди отдали все, что у них было ради Императора, и получили от него в награду только предательство. Мое сердце разрывается от страха – моя единственная идея относительно будущего звучит как полное безумие даже в моих собственных мыслях.

... безумие, но это единственный выбор, который у нас есть.

– Любой, кто хочет отдать себя на милость Вольска... я не остановлю вас. Вам всем не обязательно следовать за мной.

Я открываю дверь бункера раньше, чем успеваю отговорить себя от затеянного, и выхожу в пепельную пустошь Фарсиса с ожиданием того, что кто-нибудь выстрелит мне в спину.

С каждым шагом, который я делаю навстречу врагу, я чувствую, как дрожат мои руки, и как напряжение в груди ослабевает; с каждым шагом, который уносит меня все дальше от границы Империиума я слышу, как шепот в голове становится все громче и громче, словно бы помогая изможденному телу двигаться дальше: шаги становятся все тверже и увереннее.

Я выхожу за пределы пыльных и окровавленных траншей, и жду. Мои люди появляются сквозь пыль рядом со мной: сначала один и два, а затем весь 224-й. Они смотрят на меня испуганным взглядом, ищущим объяснений, но я ничего не говорю; каким-то образом я осознаю, даже не зная причины, что я именно там, где и должен быть.

И тогда я вижу его.

Чудовищная фигура появляется из миазмов удушающего дыма и клубов пыли. Словно творение самой Преисподней, невероятно огромный, царственный, как и подобает настоящему повелителю, он несет покрытую шипами булаву больше меня. Багровая

броня покрыта рунами, на которые больно смотреть, и потоки свитков пергамента шуршат вокруг него, словно крылья стервятника. Клянусь, я чувствую дрожь земли от его шагов, но все же убеждаю себя, что это дрожь моих собственных коленей. Я заставляю себя смотреть на его лицо, пока он приближается: я чувствую, что должен устоять, или умру.

Его облик – это кошмар из растянутой кожи, обтягивающей костлявый череп; он похож на бледный труп с жестокими глазами, что горят, словно угли. Но под этими мутациями и изменениями всё ещё видны патрицианские черты, присущие Ангелам Смерти Императора.

Тем самым Ангелам, о которых так яростно проповедовали священники на Кельбре.

Тем, кто по словам святош, должен был спасти нас, если мы будем достаточно усердны в своих молитвах.

Тем, кто так и не появился, чтобы помочь.

– Встань на колени.

Его голос подобен скрежету ржавых клинков на окровавленном гравии, шепоту смерти и скрежету костей. Теперь я осознаю, как часто слышал этот рокот в самые отчаянные моменты – и он знаком мне столь же хорошо, как и мой собственный голос.

Я преклоняю колени, и мой верный полк делает это вместе со мной. Я чувствую, как слова болезненно скользят в моей груди, словно бы пузырятся в горле, слова, что я слышал великое множество раз внутри собственного разума с тех пор, как ступил в этот проклятый мир. Я не могу больше сдерживать их внутри, не могу чувствовать удушье от их горького привкуса...

– Смерть Ложному Императору!

II

Миша. Она боится, а её сердце разбито. Время пришло. Я расчесываю ее длинные черные волосы, и целую в щеку, моля Императора, что это будет не последний раз, когда я увижу ее лицо...

– Лорд Джарак хочет, чтобы ты присутствовал.

Мои глаза открываются: надо мной нависает отвратительный мутант с разлагающимся лицом, раздутым, искаженным в кривой гримасе, и я с трудом подавляю свой инстинктивный крик. Когтистая рука хватает и дергает меня вверх быстрее, чем я могу ответить.

– Немедленно!

Гигант медленно поворачивается и топает, не оборачиваясь, чтобы узнать, пойду ли я следом, и я вынужден бежать, чтобы успеть за ним.

Я мчусь сквозь проходы в стенах, через отвалы в сточных водах и пульсирующие камеры реакторов. Вокруг вслепую извиваются щупальца, что тянутся от искривленных стальных стен, во тьме же шевелятся трупы, когда изнутри их пожирают толстые черви размером с собаку. Куда бы я не бросил взгляд, везде кто-то принимал пищу или молился: все здесь вокруг покрыто кровью, грязью, страданиями и тьмой. Любой же, кто смеет встать у нас на пути, буквально сметается монстром, за которым я едва поспеваю.

Я протираю глаза, думая о том, что не знаю, сколько времени прошло с нашего отбытия с Фарсиса, и как долго я и мои люди находимся на этом проклятом корабле, плывущем сквозь варп. Кажется, что минули годы.

Я не могу вспомнить, когда в последний раз спал, не пробуждаясь в приступах ужаса.

Мутант внезапно открывает дверь, и стоит, ожидая, пока я, наконец, не пойму намек и не пройду. Переборка захлопывается, как только я это делаю.

Покои Темного Апостола вовсе не такие, как я ожидал: всюду, где я бывал на этом сосуде, полном проклятия, он состоял из отвратительной смеси металла и плоти, крови и камня, барочных арок и костей – словом, все, что когда-то являло собою корабль, было задушено ужасом, которым он ныне стал. Эта комната также является кошмаром из костных выступов и прожилок плоти на стенах, но в ней нет следов болезни или безумия – лишь порядок в хаосе; то есть святилище монаха внутри самого ада.

Невероятно огромный, источающий зловещее благородство, Темный Апостол ходит кругами вокруг меня. Я смутно помню, как упал перед ним на колени на Фарсисе, как мой разум предательски принял новую веру, как губы шептали слова, о которых я и помыслить не мог, и уж тем более озвучить.

Момент настал – еретик-демагог заговорил. Его голос подобен звуку ржавых зазубренных шестеренок, размалывающих кости:
– Поведай о своем самом заветном желании...

Голос... Когда он впервые заговорил со мной, там, на Фарсисе, я думал, что это именно его голос льётся из глубин тьмы – лишь теперь я понял, что он был лишь одним из многих голосов на этом подлом мире. Воздух этого проклятого судна пронизан шёпотом, который становился все громче и громче в его присутствии. Но, несмотря на это, мне нужно стоять как можно ближе. Его вопрос...

Я нахожусь в горящей траншее, по щиколотку наполненной кровью, и отчаянно сжимаю ладан, молясь Императору...

Ответ рождается в моем истощенном теле, и заражает мой пересохший язык:
– Перед смертью... – горло сдавливает вырывающийся плач, – я хочу хоть раз увидеть своего сына... Хотя бы один разок...

На искаженном лице Темного Апостола застыло выражение, кое я не в силах описать. Его лицо, отдаленно напоминающее человеческое, казалось жутко неправильным, словно искривленное изображение в зеркале, а тлеющие рога, пробивающиеся из мертвенно-бледной плоти, пожалуй, и вовсе убивали остатки схожести с людьми.
– Мы не притворяемся, что понимаем чувства, но мы понимаем их силу, – начал Джарак. – И сила твоего желания вырезана в твоей душе... Мы клянёмся Пантеоном, что ты встретишь сына перед смертью, Андрик Петров.

Он знает моё имя, что нисколько не пугает и не смущает меня. Возможно, нелепый разговор с этой ходячей мерзостью исчерпал моё недоверие.
– Ты лжешь, – выдохнул я. – Я не перестану верить, только не сейчас.
– Мы не лжем, – рычание сорвалось с его раздвоенного языка. – Правда – это все, что имеет значение в этой вселенной.

Его глаза пылали подобно горящим углям в темноте, и я ощущал боль во всем теле под давлением его взгляда.

– Что ты знаешь об истине? – зловеще прищурился исполин. Он убьёт меня, и я даже не смогу себя защитить... Я могу лишь смотреть на чудовищную булаву, что была больше меня, и свисала с его спины.

Уже в сотый раз на этом проклятом судне я закрываю глаза в ожидании смерти...

– Слышал ли ты историю об Иггдрасиле?

Я непонимающе моргнул, дважды покачав головой. Окровавленные сабоны искаженного Ангела Смерти отбивали ритм об окостеневший пол.

– Это легенда Старой Земли. Ранние культуры верили в существование Древа Жизни – корня всего сущего, истока добра и зла. На Колхиде мы веровали в подобное... До того, как пришел Император.

– Я... Я не понимаю...

– Фундамент твоего Империиума – ложь, человек. Его древо было отравлено тогда, когда твой Император впервые солгал, – он говорил медленно, словно отчитывал меня, как ребёнка. Это должно было оскорбить, но нет... я был очарован. – Вот почему Империиум смертельно слаб. Правда – единственный базис, на котором может быть возведена империя.

– Что за ложь сказал Бог-Император?

Затухающее пламя вырвалось в ответ из его рта:

– А знаешь ли ты почему веришь в то, что он – бог?

Это было столь очевидным вопросом, но, тем не менее, задавали его мне впервые. Я знаю, что хочу сказать, но эта мысль, которую придётся объяснять столь величественно-пугающему древнему созданию, кажется... детской?

Он воспринял мое молчание за ответ, словно бы на иной он и не рассчитывал:

– Десять тысяч лет назад наш отец, примарх Лоргар Аврелиан, написал "Лектицию Дивинатус", ошибочно возведя Императора в ранг Бога. Конечно, мы даже не надеемся, что ты знаешь Уризена, или его работы, – он посмотрел на мой удивлённо открытый рот, – Цепные псы Императора уничтожили всю информацию о примархах, что не приняли ложь своего отца.

– Он не был предан своими сыновьями, – медленно сказал я, не в силах смириться с тем, что примархи могут быть предателями.

Темный Апостол лишь склонил свою рогатую голову набок:

– Девять из них приняли Пантеон. Лоргар был первым избранником Тёмных Богов, что был просвещен, дабы освободить человечество от Ложного Императора.

Это... это было невозможно, непостижимо умом! Я помню статую благородного Жиллимана, установленную на деревенской площади, и рассказы про стойкого Дорна из уст местного священника. Я праздновал Сангвиналу с самого детства...

В моем воображении пронеслись девять могучих воинов, а затем их мрачные отражения, что олицетворял сам Темный Апостол. Меня буквально тошнило от этой мысли, мне казалось ошибочным осквернять такую красоту...

Демагог вновь заговорил, обращая на себя все мое внимание:

– После того, как Хорус сразил Императора, коррупционным гегемонам Империи нужно было найти способ продолжить порабощение человечества... Сколь ничтожные люди дерзнули бросить вызов Богам, что вели человечество с того самого момента, когда оно впервые выбралось из пещер! Они взяли книгу Лоргара, запрещенную самим Императором, чтобы сформировать Имперский Культ, посмертно его обожествляющий! – его шепот был подобен колючим червям, что извивались в моих ушах.

– Но ведь вы сказали, что Император запретил поклоняться ему...

– Мы не будем делать вид, что хорошо знали Императора, но мы дважды разделили с ним поле битвы: на Терре и на Монархии. Он знал, что он не бог... – голос Апостола стал разочарованным. – Да, пленяющий своим могуществом, Император оставался всего лишь человеком, завидующим силе истинных богов – вот почему он пытался скрыть правду о Пантеоне!..

Изображение комнаты плывет в моих глазах. Моё тело обдает холодным потом. Шепот в голове нарастает, словно давление...

– Твой Император погиб десять тысячелетий назад! Подумай обо всем, что ты пережил на Фарсисе, вспомни каждую душу, что умерла за Него – все это не более, чем орудие контроля, что используют жестокие люди, господствующие над прогнившими костями империи!

Леденящий душу ужас бежит по жилам. Вокруг разорванные на части тела, а в ушах стоят вопли солдат, которые зовут своих матерей.

Я прощался с Мишей, думая что уже не вернусь, хоть и множество раз обещал ей иное...

Груденов хладнокровно уведомил меня, что 224-тый погибнет на Фарсисе. Мои руки тряслись, сжимаясь в кулаки. Это невозможно. Даже сейчас, после тех непостижимых вещей, что мне довелось увидеть на этом корабле, все это может оказаться лишь очередной ложью...

– Ты знаешь, что мы говорим правду, – прошептал Апостол столь громко, что заглушил моё безумное дыхание. – Подумай, сколько раз ты молился, и просил спасения у Императора? Что ты получил в конечном итоге? Мясника, что выстрелил бы в твою спину, откажись ты отдать жизнь за своих имперских хозяев!

Воспоминания с треском взрываются в моё сознание: щелчок болтерного пистолета Груденова за моей спиной, мокрый от крови штык, выскальзывающий из его груди, предсмертные всхлипы, срывающиеся с его губ...

– Я просто хотел вновь увидеть свой дом, – цежу я сквозь стиснутые зубы.
– Это ложь.
– Ложь?..

Еретик буравит меня своим пронизательным взглядом, и я чувствую, как мои сомнения и неуверенность испаряются с каждым мгновением.

– Ты убил его в тот момент, ибо осознал, что Император не сможет спасти тебя от ужасов Галактики. Впервые в жизни ты воззвал в молитве у чего-то иного...
– И Пантеон ответил, – прохрипел я, вздрогнув.
– Мы также познали момент прозрения десять тысяч лет назад, когда отвергли Ложного Императора, выплюнув его яд и ложь, обратившись к истине. На мгновение, Андрик, ты был достаточно силен, – прошипел Апостол, и его чудовищное лицо раздулось от напыщенной уверенности, – чтобы увидеть своего сына. И тот тихий шепот, что ты слышишь – это лишь отголоски того, что творится в наших ушах, – произнес он уже без тени высокомерия. Скорее, это было констатацией факта.
– Разве тебе не было интересно, откуда мы узнали, как найти тебя на Фарсисе?
– Я... Я не задумывался над этим...

Исполинский оратор вновь буравит меня пылающим взглядом:

– Некоторые называют Пантеон «Хаосом»; мы же считаем, что это неправильно – данный термин подразумевает случайность и беспорядок. Боги не допускают ничего из вышеперечисленного. Они привели нас к тебе, дабы ты мог исполнить свое предназначение.
– Какое же?
Темный Апостол указал на меня когтистым пальцем:

– Твое время придет, Андрик Петров. А пока же будь доволен нашим гостеприимством
– ты отблагодаришь нас позже, поведя своих людей в битву против предавшего вас Ложного Империиума.

Я опускаюсь на колени, прижимая голову к палубе, и говорю:

– Клянусь вам, мой господин.

III

Они отступают – лишь несколько глупцов все ведут огонь в последних оборонительных пунктах. В лучшем случае это можно назвать пародией на оборону, в худшем же – погребальной церемонией. Имперцы Корвана III были мертвы задолго до того, как осознали это.

– Вперёд! Никого не оставлять в живых! – рявкнул я через свой вокс, когда эхо артиллерии исчезло. 224-й полк засел в изломанной линии траншей, ведя огонь по потрясенным защитникам, храбрость которых наконец-то дала трещину. Слишком поздно имперцы пытаются спастись из горящих захваченных окопов, убегая по месиву из крови и снега, пропитанному химикатами, волоча за собой своих изуверченных, оглохших от грохота снарядов (или чего-то похуже) товарищей.

Небольшой отряд пытается оказать сопротивление – они умрут первыми. Сотни тел дергаются в предсмертных конвульсиях, словно марионетки в руках кукловода, когда 224-й безжалостно обрезает нити их жизней, заканчивая этот бой за считанные минуты.

Мои губы напрягаются, когда мы медленно движемся по обледедевшему полю битвы, проталкиваясь сквозь трупы и снег, стреляя в любого несчастного, что все еще пытался ухватиться за жизнь.

Я чувствую облегчение.

– Мы сделали это, – говорю я своим людям, когда они наконец-то то собираются вокруг меня. – Вы сражались прекрасно. Вы все...

– Разве?

Я резко разворачиваюсь, чтобы посмотреть на говорившего, хотя и знаю этот голос. Как я бы я мог его не узнать после всех этих лет?..

– Говори прямо, Александр, – я вижу, как он колеблется, пытаюсь скрыть это за хмурым взглядом бывалого солдата. Я видел подобное раньше, когда стоял над трупом Груденова.

– Что мы натворили, капитан? – с напором спрашивает он. – Мы отрезали этих людей от линий снабжения несколько недель назад, подкрепление к ним так не прибыло. Вероятно, за их спинами стоял такой же комиссар, тычущий им в спины пистолетом, чтобы не дать отступить. А мы... Мы убили их!

Я хотел было толкнуть речь, но, окинув взглядом тела мертвых мальчишек, чьи лица застыли в вечном ужасе у моих ног, понял, что не смогу. Я взял за плечо Александра, пытаюсь его подбодрить:

– Я понимаю, как это тяжело, рядовой. Я не верил также, как и ты, но все оказалось правдой...

Он ожесточенно отмахивается от меня:

– Откуда вам знать, что это правда, капитан? Откуда вы знаете, что нас не обманули?

– его голос срывается от вспышки гнева. – Только потому что эта... Эта тварь так сказала?!

Вопрос застал меня врасплох, потому что никто из полка никогда не спрашивал об этом: ни тогда, когда я вышел из покоев лорда Джарака, ни когда-либо ещё. Почему я доверяю господину Джараку? Почему я преклонил перед ним колени? Сколько времени прошло с тех пор, как я покинул святилище Темного Апостола? Сколько времени прошло с тех пор, как я поделился этими ужасными откровениями со своим полком?..

Мне казалось, что это было в прошлой жизни, и происходило с другим человеком. Да, я был другим. Тот Андрик Петров умер, но умер не на Тарсисе, а на борту «Вечной Истины», распростершись перед древним существом, мудростью которого я был покорен.

Но я не могу рассказать это все 224-ому полку, что прямо сейчас смотрит на меня в упор.

– На Тарсисе вы все доверились мне, Александр, – мой голос звучит твердо, и доносится до всех моих людей. – Я прошу и сейчас доверять мне.

– Не все доверяли вам, капитан...

– Что ты имеешь в виду?

– У нас не было выбора – Сергей застрелил бы любого, кто не последовал бы за тобой. Точно так же, как он застрелил Михаила!

Я бросаю взгляд на своего доверенного лейтенанта, что сгорбился, словно упырь, держа нож наготове. Он жадно смотрит на трупы, но услышав свое имя, отвлекается от мрачных мыслей. Респиратор скрывает его лицо, но ярость в глазах видна невооруженным глазом, и меня невольно передергивает дрожь, причиной которой служит отнюдь не холод...

– Я не приказывал Сергею никого убивать, – медленно говорю я. – И вы знаете, что он бы никогда так не поступил.

Александр издевательски смеется, словно слышит плохую шутку:

– По крайней мере, Груденову хватало мужества казнить людей лично!

Я медленно стягиваю свой респиратор. В нос бьет мерзкий запах пролитой крови и жженой плоти, но все они должны видеть мое лицо. Этот вопрос нужно закрыть раз и навсегда, но вдруг Никита начинает говорить за меня. Он неуклюже поднимается, его мышцы видны сквозь разодранную форму, залитую кровью убитых имперцев.

– Нет разницы, что произошло на Тарсисе! Капитан Петров вывел нас, и сохранил наши жизни, – его крик напоминает рычание пса, и разносится над всем полком. – Я спрашиваю вас, братья, пойдете ли вы за ним вновь?

Одобрительный гомон солдат разносится ветром по полю, неожиданно прерванный голосом Александра:

– Нет.

Я медленно поворачиваюсь, пытаюсь оттянуть неизбежное. В его глазах застыли слезы, и он с мольбой смотрит на меня:

– Я пошел за тобой на Тарсисе лишь потому, что это был единственный способ остаться в живых, – говорит он, указывая на тысячи остывающих трупов у наших ног. – Но я так больше не могу!

Необъятная печаль поселилась у меня в сердце, и я не могу перестать думать о его троих детях и жене. Интересно, сколько им сейчас? Сколько лет моему собственному сыну?

Я пою колыбельную малышу в животе моей жены, надеясь на то, что он однажды узнает мой голос...

– Ясно. Кто-нибудь еще считает также?

Какое-то время никто не двигался, но вскоре некоторые солдаты начали неуверенно поднимать руки. Я испустил печальный вздох. Их больше, чем я надеялся, но меньше, чем я боялся, и я благословляю их в последний путь:

– Очень хорошо. Убить их.

Слишком поздно обречённые осознают, что происходит. Они пытаются отбиваться от своих братьев выстрелами лазганов, клинками, кулаками, ногами, они кричат, буквально пускают в ход зубы, бьют и толкаются, но серьезно проигрывают нам в численности. Лишь один миг, и все заканчивается, если не брать в расчёт стоны умирающих.

Как только эхо последнего выстрела растворяется в воздухе, я оттягиваю в сторону своего старого друга:

– Сергей...

– А ты действительно думал, что они пошли за тобой на Тарсисе из-за твоих речей?! – бешено рычит он, прерывая меня.

– Ты угрожал им?

– Ты убил Груденова, и это единственная причина, по которой 224-ому не плевать на тебя. Смерть – единственная сила, которая имеет значение. – рычит он. – Я думал, ты уже понял это.

– Я не тиран, – огрызаюсь я, обрывая его фразу. – Убийство невинного человека – это не сила!

Взгляд Сергея застыл, его зрачки превратились в две маленьких точки.

– Михаил убил бы тебя. Ты знаешь это.

Я отчаянно борюсь с желанием завопить, врезаться в него и ударить, но продолжаю:

– Ты не знаешь этого наверняка, – шепчу я, подавляя свой гнев, – Мы не мясники, Сергей. Мы выше этого.

Старый друг снимает респиратор, и скалится. Его губы кажутся мне странными – они шире, чем должны были быть, намного шире.

– А ты считаешь, что ты выше этого, не так ли? – он усмехается, раскинув руки в стороны, словно бы хочет обнять всех людей, которых мы перебили.

Миша улыбается мне. Ей нравится моя военная форма – она считает, что я выгляжу красиво, и говорит, что надеется, что у Николая будут мои голубые глаза...

– Так и есть, черт тебя дери, иначе мы не лучше Империи, который отвергли! – кричу я в ответ. – Мы должны стать лучше для Кельбры. Для наших семей!

Сергей смотрит на меня так, словно бы впервые видит меня, и это оставляет странный осадок.

– Почему же Он тебя выбрал? Я никогда этого не пойму.

Прежде чем я успеваю ответить, Сергей разворачивается, и уходит прочь через остывающее поле боя.

Я знаю, что это не конец, и что прямо сейчас я должен быть со своими людьми, которые только что убили своих братьев. Некоторые из них выглядят отвратительно, некоторые все ещё держатся, а третьи и вовсе впали в экстаз – впрочем, они все одинаково беспокоят меня.

– Мы больше не те, кем были когда-то, – объявляю я, притворяясь уверенным в своих словах. – На Тарсисе мы скрепили узы нашего братства кровью. Мы выковали связь между нами кровью! Это закон Вселенной! Это истина Пантеона! Больше мы не 224-й полк Кельбранских Янычар, – громко кричу я. – Отныне мы Возрожденные!

Тысячи приветствий, боевых кличей и возгласов – вот ответ на мою речь. Где-то под курткой, под моей кожей, я чувствую что-то вроде извивающихся червей. Мою руку простреливает боль, а шепот голосов становится зловеще громким...

IV

Я... Я меняюсь.

Я удивленно осматриваю каждый шип хитинового покрова своей кожи, сжимая огромный кулак, и суставы трещат, словно приглушенные выстрелы. Я помню, когда впервые заметил изменения: мои ногти отвалились, когда я отчаянно расцарапывал кожу, сквозь которую проталкивались шипы, и в какой-то момент пальцы удлиннились и

затвердели, а плоть с них отслоилась, чтобы уступить место чему-то новому. Ныне моя рука стала массой распухших пульсирующих мышц: я даже попытался отрезать рукава своего форменного кителя, но, в конце концов, и вовсе от него отказался.

Изначально я был в ужасе, но постепенно желание содрать кожу и отрубить свою руку исчезло – я стал сильным, я сильнее, чем когда-либо прежде, и мои люди менялись вместе со мной. Я осознал, что в варпе нет такого понятия, как «*время*». Времени нет и душном мраке «Вечной Истины». Иногда я просыпаюсь и вижу своих солдат в тех же позах, в которых видел и перед сном; иногда же просыпаюсь, и вижу искаженные лица с выступающими клыками, или усеянные множеством глаз.

Люди, с которыми я тренировался на Кельбре, превратились в горбатых рычащих зверей. Однажды я задремал во время разговора с Анатолием Киваром – главным медиком нашего полка, а проснулся рядом с грудой вопящего мяса.

Миллионы смертных заполняли нижние палубы «Вечной Истины», составляя тысячи королевств, тысячи мелких военачальников которых жаждали крови и грабежей. Мы сражаемся за одежду, трофеи, артефакты и наркотики, убивая тех, кто отвечает за поставки медикаментов наперекор Отцу Чумы, но самый главный товар здесь – это оружие, и лишь оно здесь имеет значение. Имея достаточно оружия и благословение Тёмных Богов, ты можешь получить все, чего пожелаешь.

Я стараюсь держать Возрожденных вместе, насколько это возможно: мы заключили новый договор о кровопролитии, но я все еще ощущаю их беспокойство, их ужас и болезни. Иногда и я ощущаю животное желание отвернуться от горящего света истины, и больше никогда не смотреть в его сторону, но время идёт: боль от предательства переродилась в гнев, который мы используем чтобы выжить. Как только мы вернулись с Корвана III, я привел Возрожденных к химическому отстойнику возле плазменных ядер – это было наше место, и мы назвали его Святилищем. Мы вновь и вновь идем в бой, с каждым разом становясь все сильнее, несмотря на то, что некоторые высказывают опасения – впрочем, совершенно напрасно.

Сергей медленно, словно прогуливаясь, бредет под огромным навесом, ведущим в Святилище, окруженный свитой из нескольких свирепых лакеев, что рыщут позади него.

– Андрик? – его хриплый голос эхом доносится до моих покоев. – Андрик, мой старый друг, где ты?

– Приведи его ко мне, – устало приказываю я, вздохнув, и Кирилл, один из моих почётных охранников, подчиняется.

Мой лейтенант, мой былой друг изменился также, как и все мы: его левая рука превратилась в извивающееся колючее щупальце, а лицо приобрело насмешливый вид грызуна. Святой Октет высечен на его лбу, а на толстой коже вырезаны бесчисленные руны. Клинки выступают из ножен, выставленных прямо в его плоть, а гниющие тотемы свисают с ржавых цепей.

Некоторым потребовалось время, чтобы приспособиться к жизни на «Вечной Истине», но не Сергею: казалось, он с волнением ждал того момента, когда можно будет сбросить с себя оковы приличия, и отдаться насилию – что, собственно, и произошло. Я до сих пор помню, когда начал его терять – это произошло после Корвана III. Мы только закончили обустривать наше Святилище, когда я понял, что Сергея нигде не было. Я подумал, что он пал в бою, и мы не заметили этого, но когда я не смог найти его тело, то решил, что его унёс один из тех ужасов, что живут в тенях «Вечной истины»; только тогда я узнал у часовых, что он ушел во тьму корабельных тоннелей. Через некоторое время он вернулся, покрытый кровью, а с его пояса свисали руки, уши, и языки. Он молча протолкнулся мимо, как и бесчисленное количество раз до этого, когда уходил. Его вылазки становились все длиннее и кровавее, а тело начало изменяться по приходу в Святилище. Позже он начал возвращаться в компании чужаков – воинов, чью верность он выигрывал в кровавых поединках против их бывших хозяев.

Существует множество способов поклонения Пантеону, и убийство, безусловно, самый верный, но безудержное праздное насилие Сергея причиняло мне страдания. Я чувствовал себя лицемером после событий Корвана III. В конце концов, это я несу ответственность за гибель огромного числа людей, которых даже не смогу сосчитать, и что же отличает ужасную охоту Сергея и мою расправу над людьми, которых я застрелил, зарезал, задушил, чтобы просто-напросто остаться в живых?..

Именно потому я молчал, никак не комментируя его действия – я не знал, что ему сказать, а он, в свою очередь, погружался с головой в образ монстра, которым впоследствии стал. Хуже того, я ощущаю, как все Возрожденные впадают в это кровожадное нигилистическое безумие, что таилось у краев нашего просветления.

Я вдыхаю зловонный запах, который предшествует появлению Сергея в моем тронном зале. Я знал, что этот день наступит, но я бы хотел его оттянуть...

– Ах, вот ты где, Андрик, – он ядовито улыбается мне. Его рот расплылся в улыбке до того места, где должны были быть уши... если бы он их не отрезал.

– Я уж было подумал, что ты спишь...

С этими словами мой почетный караульный начинает рычать и скалиться, крепко сжимая оружие в руках. Я успокаиваю его жестом руки – противостоять этим действиям открыто я не могу, но не должен показывать слабость.

– Сергей, – я медленно киваю. Очень медленно. Небрежно. В ответ его глаза раздраженно сужаются, но он не выдает этого в своих словах:

– Я слышал, что вскоре нам предстоит высадка... – говорит он, и продолжает после моего кивка. – Я уже наслаждаюсь возможностью донести правду до нового мира, – он останавливается, цокая раздвоенным языком. – Я почти ощущаю сладостный вкус крови, которую мы прольем...

Он заканчивает говорить, и воины начинают мерзко хихикать. Один из них, что выглядит настоящим головорезом, достает нож, и начинает вырезать свежие руны на своей коже.

- Ты ищешь убийство без какой-либо цели, брат, – ответил я, стараясь казаться другом, а не покровителем. – Некоторые могут наслаждаться резней, но это не путь Возрожденных.
- Кто сказал, что это не так?! – яростно шипит он в ответ, и я хмурюсь, надеясь, что он отступит.
- Так сказал я.
- С чего бы твои слова стали иметь значение?
- Потому что именно я возглавляю Возрожденных.
- А почему ты?! – сердито сплюнул он, напрягая мышцы шеи.
- Потому что я твой капитан, лейтенант Меглев, – низким и опасным голосом говорю я.

Уходи, идиот! Не заставляй меня причинять тебе боль...

Сергей лишь смеется мерзким булькающим смехом:

- Твоим званием капитана тебя наградили рабы Ложного Императора, – кричит он, повышая голос, чтобы дать расслышать всем эти слова.

Никита, мой самый ярый и пылкий опекун, закрывает меня своим телом. Он изменился больше остальных: даже и тени того испуганного мальчика, которым он был, не осталось под сгорбленным, мутировавшим телом.

- Да как ты смеешь оскорблять капитана?! – рычит он, обнажая клыки, и его опухшее тело пульсирует от ярости. – Я вырву твоё поганое сердце, наглец!
- А тебе всегда нравилось облизывать его ботинки, не так ли? Ты был его шавкой даже до того, как переродился...
- Капитан Петров спас нам жизни на Фарсисе!
- Я бы поступил также!
- Но не поступил! – залаял Никита, ударив своей мохнатой лапой по полу. – Ты стоял там как трус, которым ты и являешься, когда Груденов стрелял в меня! Ты бы умер после меня, защищая этот бункер!

Никита озвучивал то, что, как я подозревал, было в сердцах многих, и пожирало моего старого друга изнутри со времен Фарсиса.

- А как насчет тебя, безвольный придурок? – смеётся Сергей. – Я застрелил Михаила, пока ты стоял в луже мочи от страха!
- Ты действовал только когда понял, что находишься в безопасности – как сейчас.
- А ты считаешь, что сейчас мы в безопасности? – шипит мой бывший друг, обнажая нож...

Мгновенно все находящиеся в покоях выхватывают оружие, ожидая кровопролития.

- Хватит, Никита! – кричу я, прежде чем разговор превратится в бойню. – Довольно! Если лейтенант Меглев что-то хочет уладить, то мы сделаем это так, как принято!

Щупальце Сергея вынимает второй кинжал из-за кожаного ремня.

- Другого пути у меня не было, Андрик.

Толпа моих воинов готовится к бойне: такие стычки среди смертных – частое явление на палубах «Вечной истины», но я приложил много усилий, чтобы ограничить их число в пределах Святынища. Интересно, кого они поддержат сейчас? Краем глаза я вижу толпу у переборки рядом с отстойником – это фанатики, что идут за Сергеем, или нет? Я не знаю ответа на этот вопрос; возможно, эти смертные просто хотят увидеть чью-то смерть. Я достаю свой клинок: оружие Адептус Астартес с зазубренным лезвием, которое я взял в качестве трофея на полях Корвана III. Меглев кружится вокруг меня, словно танцующая змея, скручивая свое щупальце, чтобы найти брешь в моей защите. – Я не хочу убивать тебя, – говорит ему та моя часть, которая помнит, как мы сражались плечом к плечу на Фарсисе. Но вторая же часть меня, что отдалась лорду Джараку, противится. Перекошенное лицо Сергея растекается в безобразной ухмылке, и он брызжет слюной, швыряя в мои глаза горсть пепла, и делает выпад вперед.

Возрожденные вопят от восторга, пока я ослеплен. Раздается странный щелчок, и я вскидываю руку, и пячусь назад, смахивая с глаз химическую пыль. Мои глаза вновь видят, и я замечаю нож Сергея в моем бронированном предплечье.

– Ты умрешь за это, обещаю! – реву я, нападая на него прежде, чем он успевает достать другой клинок. Мой бывший лейтенант силен, но боги даровали мне еще большую силу, и я пытаюсь сбить его с ног, но он успевает ускользнуть прежде, чем я хватаю его.

Я чувствую, как клинок впивается мне в плечо так глубоко, что разрубает кость. Меглев быстр, намного быстрее меня. Я разрубаю своим оружием воздух, но Сергей вновь уворачивается, хлестая мою плоть шипастым щупальцем, словно хлыстом. Я рычу от боли. Мне нужно добраться до него...

– Я так долго этого ждал, мой старый друг, – смеется Меглев.

Я бросаюсь вперед, чтобы перерезать ему глотку – это и было ошибкой, которую он ждал. Моя рука начинает спазмировать, как только Сергей вонзает в неё ещё один нож. Он так так быстр, что я не успеваю за ним следить. Мой клинок падает на землю, и щупальце обвивает шею, сдавливая ее все сильнее и сильнее. Я вонзаю свои окровавленные пальцы в его упругие мышцы, но они крепки, как железо. Я едва ли могу вздохнуть; моя грудная клетка натужно вздымается. Я прекращаю дышать, и слышу треск сухожилий в шеи. В глазах темнеет...

Миша заставляет меня поклясться Императором, что я вернусь. Я снова и снова клянусь ей и сыну, шепча на ухо, что я вернусь. Мы держимся за руки в последний раз...

... я сжимаю своим хитиновым кулаком его плечо, словно лапу таракана. Кости ломаются, и он начинает вопить. Хватка вокруг шеи ослабевает, и я делаю вдох. Он вновь пытается ударить меня ножом, но не может. Его щупальце охватывают судороги, и он роняет клинок. Я опять наступаю, и отчаянно пытаюсь заблокировать мой кулак.

Идиот.

Каждая косточка в его конечности разлетается с влажным хрустом. Меглев широко открывает глаза в приступе шока; из-под плоти его окровавленной человеческой руки, что изогнулась под неестественным углом, выпирает раздробленная кость. Я рублю его шипастое щупальце, пока он в шоке, но он с ревом вырывает конечность из сустава, едва ли приходя в себя; колени Сергея подкашиваются, пока он пытается сжать раздробленную руку обрубок щупальца.

Отстойник погружается в тишину при виде этой картины, и лишь дергающийся отрубленный отросток нарушает ее, отказываясь умирать.

– Этого не должно было быть, Сергей...

Лейтенант смотрит на меня, и из его рта текут струйки гнилой крови. Я вижу лишь осколки личности моего старого друга в его слезящихся глазах, но не более.

– Не может быть, – пробормотал он. – Они мне обещали... Они... Я был... Они обещали мне Возрожденных...

– Возрожденные принадлежат мне! – медленно прошипел я, схватив его голову своей мутировавшей рукой. – Мне!

Кулак сжимается под вопли Сергея, которые превращаются в пронзительный визг за момент до того, как я с хрустом раздавил его череп.

– Мы праведники! – кричу я своим людям, поднимая труп, чтобы все последователи Сергея тоже это увидели. – И лишь мы истинны! Мы Возрожденные!

Толпа заходится аплодисментами, и Никита ревет:

– Приветствуйте, Андрика! Андрика Кровавую Руку!

Тысячи голосов в Святилище вторят ему воем:

– Кровавая Рука! Кровавая Рука!

Шепот в моих ушах перерастает в раскаты грома. Я поднимаю свою конечность вверх, в знак победы.

Неведомая сила прожигает мои вены сотнями раскаленных игл. Моё тело яростно напрягается, новые мышцы вырываются сквозь плоть, и тут же обрастают хитиновым панцирем, а окровавленные рога пробиваются сквозь череп из лба

Моя рука, словно воск, разлетается на кровавые ошметки, и становится похожей на клещи. Эта дикая боль, которую бы я не мог себе вообразить, но она прекрасна.

Я реву в небеса глубокую и яростную песню войны.

V

Из дюжины вопящих ртов, усеянных клыками, я узнаю голос Никиты – он прорывается сквозь колючую проволоку перед нами. Я отчетливо помню тот день, когда он стал

порождением Хаоса, словно это было вчера. Помню, как он кричал, когда его тело восстало против разума.. и все-таки я очарован преобразовывающей силой Пантеона.

Возрожденные с весельем врываются в траншеи, прорываясь через железобетонные бункеры, обдавая все вокруг кислотой, или сжигая колдовским огнём. В самый нужный момент огонь врага ослабевает, и каждый болтер, лазган и огнемет поворачиваются к лавине из когтей, щупалец, клювов, клыков, шипов и крыльев, разрывающих линию обороны; я стремлюсь туда же. Впереди меня взрывается крак-граната, попадая прямо в Никиту, и меня окатывает гнилой кровью ошметками трупов.

Точка входа даёт нам несколько секунд времени, перед тем, как поток огня имперцев обрушится на нас, но этого едва достаточно. Мне чудится, что я все еще слышу Никиту среди голосов, кричащих в экстазе, когда их мутировавшую плоть разъедает разрушающая кислота.

Я вхожу в траншею первым – один из десятков выживших. Мой зазубренный клинок, выкованный из осколков брони «Химеры», наотмашь рубит ошеломленных гвардейцев; они падают вокруг меня, крича от боли, хватаясь за распоротые животы, и размахивая отсеченными конечностями. Я бегу по окопам к извивающимся останкам Никиты, перерезая глотки врагов одну за другим. Части моего доспеха отваливаются под попаданиями, но меня все еще защищают дары Темных Богов.

Все больше окровавленных, ревуших от ярости Возрожденных врываются в окопы; я воинственно реву, окликая их под вопли умирающих людей, и слыша радостные завывания в ответ. Реакция имперцев предсказуема, как и сотни раз до этого: они пускают в ход тяжёлые болтеры. Я срываю с себя крак-гранаты, швыряя их наотмашь вокруг; взрывы выбрасывают в воздух столбы грязи вперемешку с телами.

Все больше моих воинов устремляются вперёд, разбивая в пух и прах убегающих защитников. Тяжёлый стаббер, прикрепленный к моей руке, постепенно разряжается, прекращая издавать прежний яростный рев.

Я оглядываюсь на уничтоженную траншею, заваленную мёртвой ордой: поле буквально покрыто мертвыми Возрожденными. Многие из них все ещё держатся, но имперцы превратили позиции тяжелых болтеров в смертельную ловушку. Быть может, лишь один из двадцати солдат смог добраться до линии траншеи.

Подкрепления не будет.

– Ко мне! Все сюда! – кричу я всем, кто был способен меня услышать. – Сейчас мы все идем в атаку на их командный центр! Разорвать их! Во имя Пантеона!

Траншея за траншеей, участок за участком, мы сминаем имперцев. Те, кто способен держать оружие, стреляют – остальные же разрывают вражеских солдат когтями и клыками. Я пытаюсь зарядить свой пустой стаббер, стоя по колени в крови. Мы

двигаемся быстро, словно клинок, проникающий в плоть: мы слишком сильно уступаем врагу в числе, чтобы позволить противнику быстро отреагировать.

Я смотрю вниз, разглядывая дальние траншеи – самое время пробить вторую брешь. Возможно, сотня Возрожденных сделает это.

– Продолжаем наступать! Все к бункеру! – кричу я наперекор выстрелам, указывая на железобетонного клеща наверху, что руководит нашим истреблением:

– Убить всех неверующих!

Мы двигаемся к нашей цели, и сражаемся, словно демоны, порожденные чистым гневом чистым гневом, убивая имперцев, уничтожая их бункеры, сея хаос и страх. Они пытаются прижать нас огнем, но мы прикрываемся телами павших, чтобы продвигаться вперед. Разрывая людей на куски, я слышу шепот Темных Богов, обещающих мне свои новые дары...

И вот, наконец, командный бункер, к которому мы с таким трудом пробились: я истекаю кровью из десятка ран, а из трещин в моем благословенном когте сочится ихор. Нас осталось менее дюжины: каждый прижимает к себе разорванные конечности, и пытается заткнуть раны на вспоротых животах.

– Мы... Сделали... Это! – булькающим от боли голосом простонал Сава.

– На то была воля Богов, – киваю я, – Осталось закончить начатое...

Взрыв!

В ушах стоит звон, и я выбиваю расплавленную дверь. Выстрелы лазганов летят из тлеющей дыры, но я распахиваю рот, извергая поток кислоты на часовых, не готовых к такой атаке. Краткий миг я наслаждаюсь их криками, прежде чем наше оружие разрушает вопящих слабаков на куски.

Те из нас, кто ещё мог держать оружие, перезаряжают свои лазганы и достают взрывчатку.

– Кровавая Рука, – зовёт меня Суков. – Как ты думаешь, сколько их там, внутри?

Я перебрасываю патронташ с крак-гранатами через плечо, и усмехаюсь:

– Недостаточно.

Мы врываемся в сердце командного центра, и я сразу швыряю связку гранат внутрь, вопя от ярости:

– Смерть Ложному Императору!

Ожесточенный бой довольно быстро заканчивается: техножрецы и вокс-операторы пытаются добраться до своего оружия, используя в качестве укрытий стоящую внутри технику, но когитаторы и голо-терминалы явно не созданы для этого. Мы врываемся в комнату, словно лесной пожар, стреляем, рубим, режем, разрываем. Имперцы умирают на своих постах, умоляя о спасении у своего мертвого бога. Тишина повисла в воздухе, и лишь приглушенные звуки пальбы доносились снаружи...

– Мы сделали это! – восклицает Савва. – Бункер захва... – с этими словами его рогатое лицо разрывается на ошметки, брызги крови, кости и мозги. Я быстро стираю залившую глаза кровь, и вижу как имперский офицер выпрыгивает из-за горящего когитатора. Его болтерный пистолет направлен в сторону трех моих воинов, и их тела разрываются изнутри от попаданий. Силовым мечом он добивает раненых прежде, чем те успевают подняться. Я вожу языком по своим острым клыкам: капитан – настоящий сундук с медалями, и не иначе как Темные Боги даровали мне столь ценный приз!..

– Раб Императора, – кричу я, широко раскинув руки в сторону. – Приди и прими свою смерть!

Он откидывает свой болтерный пистолет в сторону, и идёт ко мне:

– Приготовься к смерти, еретик! – говорит офицер, и его лицо искажает холодный гнев. Я собираюсь насладиться его благочестивой яростью...

Я провожу своим мечом по хитиновому кулаку, и искры летят во все стороны. Он атакует меня, но затем резко уворачивается, и вместо того, чтобы разрубить его пополам, мой меч ударяется о потолок бункера.

Офицер подсакивает ближе, и бьет, отчего мое тело пронзает резкая боль.

– А ты быстр, раб, – смеюсь я, наслаждаясь моментом.

Он не отвечает ни слова, и вновь меня атакует, но на этот раз я готов, и блокирую выпад своим плечом; меч глубоко врезается в плоть под костяной бронёй, продолжая трещать. Я бью его гардой своего клинка по лицу, и он отступает, удерживаясь на ногах, и сплевывает кровь вместе со сломанным зубом.

Отчего-то я вновь чувствую боль – мне непонятно, когда он опять успел меня ранить, и смотрю вниз, замечая осколки выпирающих из разорванной чешуйчатой плоти ребер. Я яростно рычу, изо всей силы вкладываясь в рубящие удары сверху, но имперец выбивает меч из моей руки, и тот с грохотом падает на пол бункера.

Капитан думает, что победил, но Боги сотворили мое новое тело так, что оно являлось оружием само по себе: благословенная правая рука может раздавить этого жалкого человека вместе с его панцирным доспехом; мне и не нужно другого оружия кроме того, что было даровано Пантеоном.

Я извергаю поток кислоты, и атакую; он уклоняется и от того, и от другого, и моя конечность с грохотом врезается в железобетон стены бункера. Он бросается на меня прежде, чем я успеваю вырвать свой кулак, и вязкая кровь опять течет по моей плоти.

Я атакую еще и еще, но он вновь ранит меня. Еще удар – и еще одна рана. Еще и еще, снова и снова, пока я не отшатываюсь назад, жадно глотая горящий воздух. Кровь вперемешку с ихором бегут из моего рта с каждым мучительным вздохом. Он быстрее меня, и мне больно это признавать, но я становлюсь слабее с каждым ударом. Я чувствую, как мои глаза окутывает тьма, но весь этот бой я загонял его в ловушку. Он не может сбежать, и я опускаю голову, атакуя, надеясь, что он побежит, но он вновь ранит меня в ответ. Я тянусь к нему кулаком, но опять мимо.

Агония пронзает тело, когда его силовой меч пронзает мой живот, и вырывается через спину. Я лишь хохочу, глядя на его праведное лицо; я захожусь смехом, поскольку помню, как в последний раз думал о смерти, сражаясь со своим старым лейтенантом.

Эта не та боль, которая способна меня убить – сами Тёмные Боги наделили меня силой.

Мои клещи отрезают его руку с мечем, оставляя ее торчать в моем животе Вражеский капитан смотрит на обрубок, не в силах поверить своим глазам, и я ликую, хватая его клешней, и прижимаю к стене, словно насекомое, коим он и является.

Он заходится кровавым кашлем прямо в моё лицо. Я глубоко вдыхаю этот аромат, слизывая и смакуя его кровь. Это восхитительно...

– Знаешь, – рычу я, притягивая его ближе к себе. – Когда-то я тоже был гвардейцем – таким же, как и ты.

Он опять кашляет горячей кровью в мое лицо.

– У нас ничего общего, – его бормотание перерастает в рык. – Я бы никогда не наплевал... на клятву... данную... данную Императору!

Я смеюсь, осознавая то, что когда-то был таким же самоуверенным в своих заблуждениях, ибо не знал истины. Мне было бы его жаль, если бы я подумал, что у него было ни одной возможности обратиться к свету – но, впрочем, он вполне охотно оставался во тьме своего невежества...

– Твоя слепота сделала тебя слабым, раб! – говорю я, наматывая его кишки на коготь.
– Если бы я оставался идиотом, как ты, и поклонялся бы Трупам, то давным-давно сдох бы!

Свет жизни покидает его глаза, пока плоть офицера обильно окропляет кровью. И все же он прилагает усилия слабеющих мышц, чтобы заставить лицо угрожающе хмуриться:

– Смерть не пугает меня, еретик.

Как же он жалок...

– Почему же? – я ухмыляюсь ему в ответ. Кровь стекает по немеющим губам вниз:

– Я не боюсь... мой отец был гвардейцем...он погиб.. Он боролся с подонками...такими, как ты...

В этот момент я вдруг понимаю, что он одет в синий китель, и узнаю его. Я опускаю взгляд на имя на лацкане... Я знаю... Знаю это имя! Я выбрал его... Николай Петров. Я... Нет-нет-нет-нет-нет!..О, Пантеон! Я вновь на Кельбре... Я отчётливо вижу лицо капитана, как будто просыпаясь от кошмарного сна. Был я одурманен? Почему я не мог увидеть раньше?! Почему?!

Это же я... Или же часть меня. Или того, чем я был...

Капитан смотрит на меня в упор: его голубые глаза состарились слишком быстро. Черные волосы, такие же.. Такие же как и у Миши...

Лицо мальчика превратилось в лицо мужчины, перекошенное от боли. Он не старше меня, когда я был отправлен на Тарсис. Он знает, что его жизнь окончена, и все, что ныне ему предначертано – смерть.

– Сын? – пытаюсь выговорить я, попутно осматривая его лицо на наличие хоть каких-то признаков того, что он узнал меня, но не нахожу в его глазах ничего, кроме отвращения, праведной ненависти и чистого гнева.

– Умри... Чудовище...

Я пытаюсь заговорить, но из моей изломанной пасти вытекает лишь желтая желчь. Свет в его глазах угасает...

– Нет! Нет!..

Я вырываю когти из живота своего сына, но его глаза уже сомкнулись, и жизнь покинула тело Николая.

Я вою, пытаюсь мягко убаюкать его, но мои руки, мои отвратительные мутировавшие руки едва ли могут удержать тело сына, и струйки кислотных слез обжигают моё лицо.

– Прости меня! – я захожусь в рыданиях. – Они обещали мне! Они мне пообещали!..

Дверь в командный центр распаивается, и отделения Кельбранских Янычар врываются внутрь с оружием наготове. Они видят меня, и открывают огонь. Пули, лазеры, болтерные снаряды разрывают меня на части; это больнее, чем все, через что мне довелось пройти, но я желал, чтобы страдания были в тысячи раз хуже. Руки ослабевают, и мой мальчик соскальзывает с моих гротескных лап. Я пытаюсь подползти к нему, но не могу...

Миша кладёт мою руку на место, где Николай пинается я больше всего...

В моих глазах темнеет, и я ощущаю страдания и страх за гранью моего понимания. Впервые после Тарсиса голоса в моей голове слышны достаточно четко...

Я слышу их смех.